

Семинар
Защита прав детей в гражданском и уголовном процессах
в России и Великобритании

9 – 10 сентября 2019 г., Санкт-Петербург

Лиговский пр, 87, офис 300

Семинар «Защита прав детей в гражданском и уголовном процессах в России и Великобритании» прошел в Санкт-Петербурге 9-10 сентября 2019 года. Участники семинара – не только адвокаты из разных регионов России, но и представители специализированных некоммерческих организаций. Большинство участников ведут гражданские дела с участием детей или в интересах детей. И первый день семинара был посвящен теме **«Гражданский процесс: работа с детьми группы риска»**. Эта работа настолько разнообразна, что охватить все аспекты защиты прав детей в контексте гражданского процесса просто невозможно за один день. Однако некоторые самые актуальные и тревожные ситуации реальной и потенциальной опасности для ребенка стали предметом обсуждения российских и британских экспертов с участниками семинара.

Петербургский адвокат **Галина Ибрянова** много лет представляет интересы доверителей в спорах о детях в ситуации риска. Она описала российскую практику по делам о лишении родительских прав и по делам об определении места жительства ребенка при разводе родителей.

Галина Ибрянова

Галина отметила, что привести полный перечень нормативных актов, применимых в делах о защите прав детей, невозможно. В практике постоянно находятся новые применимые нормы. Например, в законе "Об основных гарантиях и защите прав ребенка" и в обзоре Верховного Суда РФ 2011 г. можно найти основания освобождения от уплаты госпошлины по всем делам о защите прав ребенка, а не только о лишении родительских прав. Большинство юристов это не используют, и даже суды часто не применяют эти нормы. Нужно обращать внимание и на ведомственные акты, например, приказ Минздравсоцразвития о нормах питания детей. Сейчас при определении суммы алиментов суды используют размер прожиточного минимума. При этом в потребительскую корзину входит стоимость питания, одежды, услуг и т.д. Стоимость продуктов, необходимых для нормального развития ребенка, значительно выше, чем указанная в потребительской корзине.

Судебная практика содержит перечни обстоятельств, подлежащих доказыванию (см. Постановление Пленума ВС РФ № 44), необходимых доказательств. В том числе некоторые важные разъяснения можно найти в уже не действующих Постановлениях Пленума.

Важнейший источник – международные документы и практика. Сейчас уже можно встретить ссылки на международные акты в документах органов опеки, уполномоченных по правам ребенка, даже в актах судебных приставов. Именно из международных документов и практики мы извлекаем тексты для интерпретации понятия «существенные интересы ребенка».

Особое внимание Галина обратила на проблему определения подсудности споров об определении места жительства ребенка. Для рассмотрения по месту жительства истца рекомендуется объединять иные требования по спорам о детях, включая определение места жительства, с требованием об уплате алиментов. Проблема возникает в некоторых случаях, когда фактически ребенок и родители находятся в одном месте, а регистрация в другом. Пока суды направляют дела по подсудности и проводят слушания по видеоконференцсвязи. Сейчас направлены кассационные жалобы и есть стратегическая цель изменить практику определения подсудности, чтобы рассматривать дела по месту фактического нахождения детей.

Галина рекомендовала привлекать к участию в деле уполномоченного по правам ребенка при первоначальном обращении в суд с указанием этого в заявлении. В Санкт-Петербурге уполномоченный по правам ребенка может давать заключения и участвовать в суде. Галина отметила, что сотрудники аппарата уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге постепенно разобрались в своей роли в процессе и сейчас уверенно защищают права ребенка в суде, в том числе помогают формулировать вопросы эксперту, рекомендуют экспертные учреждения, дают ссылки на национальную и международную практику. Их участие особенно полезно в случаях споров с международным участием.

Затем Галина подробно рассмотрела некоторые основания лишения родительских прав и дала советы по работе с отдельными основаниями.

Так, часто встречается формальный подход, когда суд требует предоставить приговор о злостной неуплате алиментов. Но такого требования нет в законодательстве. Нужно доказывать все возможные обстоятельства, свидетельствующие о характере неуплаты. В совокупности с другими основаниями этого будет достаточно для принятия решения и в отсутствие приговора.

Отказ родителей взять ребенка из детского учреждения – еще одно основание лишения родительских прав. Но надо учитывать, что в кризисной ситуации родитель может отдать ребенка в медицинское или социальное учреждение. В этом случае нужно анализировать ситуацию и выяснять, была ли реальная возможность забрать ребенка.

Верховный Суд РФ разъяснил, что можно считать злоупотреблением родительскими правами. Например, создание препятствий к получению общего образования (когда спорящие родители не дают возможность начать обучение, забирая документы из школы и т.п.). Воспрепятствование выезду ребенка за границу без должных на то оснований после отмены такого запрета судом тоже может быть признано злоупотреблением родительскими правами (такая судебная практика есть), создание препятствий для выезда.

Употребление наркотиков и алкоголя в присутствии ребенка можно трактовать как склонение ребенка к употреблению.

Жестокое обращение с детьми включает и совершение актов насилия на глазах у детей. Очень сложно заглядеть вред, причиненный детям.

Хронический алкоголизм, наркомания родителя, как правило, латентны. Большинство не состоят на учете. Но можно представлять иные документы – о вызове врача, о госпитализациях, об обращении к специалистам (это не будет однозначным основанием лишения родительских прав, но суд учтет образ жизни родителей и влияние на ребенка).

При совершение умышленных преступлений чаще всего нельзя лишить родительских прав до вынесения приговора. Но был прорыв – дело Маргариты Брачевой, когда суд лишил отца родительских прав до приговора и наличие несовершеннолетних детей перестало быть смягчающим обстоятельством. Суд также признал действия в отношении матери жестоким обращением с детьми, хотя дети не присутствовали при акте насилия. Суд оценил последствия этих действий в отношении детей.

Иногда происходит так, что родителя лишили родительских прав до возбуждения дела по ст. 156 УК, и уголовное дело не возбуждают или прекращают, т.к. нет специального субъекта.

В целом по делам о детях важно грамотно выстраивать стратегию защиты, особенно когда есть несколько параллельных производств (определение места жительства ребенка, раздел имущества, жилищный спор, административное или уголовное преследование). Решения должны усиливать позицию по другим делам.

Проблема – заключение органов опеки в спорах о детях не подлежат обжалованию. Оно может быть опровергнуто только собственными доказательствами и контраргументами.

Теоретически это только мнение органа. Но суды часто им руководствуются.

Акт муниципального органа об отобрании ребенка можно обжаловать.

Участники обсудили несколько проблемных ситуаций. В одном случае отец требует избыточных, ненужных мер лечения за рубежом, хотя все необходимое ребенок с аутизмом получает в местной специализированной общественной организации. Местные эксперты могут быть не в состоянии грамотно оценить методику работы организации. Сотрудникам организации суд может не доверять. Необходимо привлечь квалифицированных независимых экспертов.

В процессе дискуссии возник важнейший системный вопрос – кто же защищает интерес ребенка в наших судах. Адвокат выиграл дело в интересах мамы. Суд постановил определить место проживания ребенка с ней. Но адвокат осознал, что именно отец делал все в интересах ребенка, а условия проживания с мамой были даже опасными для него. Впервые в карьере адвокат не порадовался решению в пользу своего клиента.

Для британских коллег ситуация не является проблематичной: в процессе всегда есть люди, представляющие исключительно интересы ребенка. Адвокат представляет интересы клиента (отца, матери), независимо от сомнений. В то же время ребенок должен быть непосредственно и

независимо представлен. Мнение ребенка должно быть выражено. Суд также ориентирован на приоритет соблюдения интересов ребенка, в то время как задача представителей сторон – защищать интересы своих клиентов. Формальная состязательность не должна нарушать принцип первоочередной защиты ребенка. Оставаясь нейтральным арбитром по отношению к сторонам, суд в то же время ищет наилучшее для ребенка решение. Важно, что у сторон есть уверенность в суде. Все уверены, что суд учтет интересы ребенка.

Окружной судья из Лондона **Кеннет Грант** и независимый социальный работник **Джилл Тиммис** описали работу по защите прав детей в судах Англии и Уэльса.

Судья Кеннет Грант, Джилл Тиммис

Кеннет Грант работал адвокатом, затем судьей по уголовным делам, судьей в семейном суде (по делам, связанным с алкогольной и наркозависимостью).

Джилл Тиммис по образованию учитель, работала социальным работником по делам семьи и несовершеннолетних, в том числе взаимодействуя с судами. Выступает в суде совместно с юристами в интересах ребенка.

Подход британских коллег прост: главное – принимать во внимание интересы ребенка.

Семейное право зависит от международных стандартов. Поэтому общие подходы у нас одинаковые. И проблемы похожие. Но английские юристы решают их по-своему. Правовые рамки несколько отличаются. Суды обязаны следовать Европейской конвенции, Конвенции о правах ребенка и британским законам, включая Закон о детях 1989 г., Закон о правах человека 1998 г., Закон об усыновлении 2002 г. и др.

Между социальными работниками и судьями существует взаимоуважение. Интересно, что в ходе семинара судья попросил социального работника прокомментировать международное право в этой области.

Международные стандарты помогают судьям обеспечить соблюдение права ребенка на справедливый суд, на уважение частной и семейной жизни, свободу от дискриминации, право ребенка участвовать в принятии решений, касающихся ребенка, право на приоритетную защиту интересов ребенка, право на защиту, право на удовлетворение базовых потребностей, право на информацию. С помощью международно-правовых норм судьи могут исправить некоторые недостатки национального законодательства.

В Великобритании четко разделяют сферу частного семейного права (семейные споры о детях) и публичного права (о вмешательстве государства в семейную жизнь для установления опеки или надзора).

В основе всех процедур лежит принцип благополучия ребенка.

Благополучие ребенка превыше всего. Голос ребенка не должен быть заглушен голосами тяжущихся родителей!

Необходимо тщательно оценивать вероятность и размер рисков причинения вреда ребенку любым решением. Судья может и не принимать никакого решения и объявить, что никакое решение не может быть вынесено. При принятии решения суд учитывает желания и чувства ребенка; физические, образовательные, эмоциональные потребности; возможный эффект в результате каких-либо перемен в жизни ребенка; возраст, пол, обстоятельства жизни, любые особенности; причиненный вред; дееспособность родителей. Сначала – что ребенок чувствует и хочет. Затем – какие потребности есть именно у этого ребенка в данное время (любые изменения могут поменять жизнь ребенка). Все элементы требуют исследования (за каждым стоит огромный объем информации).

В Англии действует **Служба поддержки и консультации при семейных судах (CAFCASS)**. В нее входят социальные работники. Они участвуют в судебных заседаниях по назначению суда, если ребенок является стороной в процессе, если стоит вопрос о передаче опеки государству, если существует риск причинения ребенку значительного вреда и в других делах, если суд полагает, что благополучие ребенка под угрозой и у ребенка должен быть представитель. Сотрудник CAFCASS – это блюститель прав ребенка, независимый от местных или государственных органов власти. Он встречается с ребенком, его семьей и социальными работниками, исследует обстоятельства жизни ребенка, делает запросы, дает свою оценку предложениям представителей органов власти, представляет собственные рекомендации, оказывает поддержку ребенку и членам семьи, объясняет ребенку и членам семьи роль суда. Выяснив желания и чувства ребенка, он доносит мнение ребенка до суда. В своих отчетах он старается максимально использовать слова ребенка.

Если ребенок хочет встретиться с судьей, это пожелание должно быть доведено до сведения судьи. Каждый конкретный судья сам решает, будет ли он встречаться с ребенком. Основная цель такой встречи – помочь ребенку. Встреча между судьей и ребенком может помочь и судье, и членам семьи. Задача встречи с судьей не в том, чтобы обсудить дело с ребенком, а в том, чтобы ребенок получил возможность сказать всё, что он считает нужным, напрямую судье, который собирается принять важное для жизни ребенка решение.

Цель встречи судьи с ребенком – не в том, чтобы ребенок представлял доказательства. Ребенок должен выразить свои чувства, а не пересказывать то, что ему говорили родители.

Биологический возраст ребенка имеет значение, но оно не является определяющим. Некоторые дети семи лет и даже младше имеют ясное понимание ситуации и собственную точку зрения, которую они могут захотеть высказать. Судья должен пояснить, что он не может хранить тайну. Всё, что сказано ребенком, будет, за исключением особых обстоятельств, передано родителям и другим сторонам. Судья должен сказать ребенку, что исход дела не зависит от того, что ребенок скажет на встрече; для принятия окончательного решения судья будет учитывать многие факторы.

Семейный суд по вопросам зависимости от наркотиков и алкоголя (Family Drug and Alcohol Court) оказывает поддержку родителям для решения их проблем с алкоголем и наркотиками с целью безопасного возвращения детей в семью. Он предлагает альтернативный – и более успешный – путь поддержки родителей для решения их проблем с употреблением веществ, психической неуравновешенностью и домашним насилием, приведших к ситуации риска серьезного вреда их детям. Судье помогает междисциплинарная команда специалистов, в которую входят руководитель, администратор, профильная медсестра, социальный работник, детский и подростковый психиатр, нарколог, специалист по вопросам психического здоровья и специалист по вопросам домашнего насилия.

Как говорил основатель таких судов окружной судья Николас Крайтон: *“FDAC лучше для родителей, лучше для детей, лучше для семей и в целом лучше для нашего общества”*. Таким судам удается добиваться наиболее благоприятного исхода для детей – либо возвращать их в семью раньше, чем это происходило бы в случае рассмотрения дела в обычном суде, либо раньше определять проживание ребенка вне семьи, если родители отказываются сотрудничать с наркологами.

Процедура в таком суде отличается от обычной – судья регулярно встречается с родителями без участия адвокатов. Родители принимают участие в установке целей и дают согласие на выполнение программы вмешательств в самом начале судебного разбирательства. С родителями работает команда кураторов, которая регулярно представляет судье и родителям письменные отчеты.

Проблемы можно решить с большей вероятностью, если существуют готовые, научно обоснованные программы вмешательства и надежные методы измерения изменений и если работа с родителями соотнесена с потребностями детей.

Удастся решать проблемы со злоупотреблением психоактивными веществами; такие проблемы психического здоровья средней степени, как тревожность и депрессия; отдельные проблемы физического здоровья; проблемы с жильем и с долгами; незавершенные уголовные дела. Сложнее решать проблемы в случае тяжелых психических заболеваний, тяжелого отставания в развитии, сексуального насилия.

Лондонский FDAC успешно работает 10 лет. Сейчас работа таких судов распространена в 12 судах, которые охватывают 20 регионов Англии и Уэльса. По результатам исследования 2016 г. по сравнению с другими судами, по завершении разбирательства в судах FDAC значительно больший процент матерей прекращают злоупотребление (46% v 30%); по завершении разбирательства в судах FDAC значительно больший процент семей воссоединяются или

продолжают жить вместе (37% v 25%); по прошествии пяти лет после суда FDAC значительно больший процент матерей в воссоединенных семьях продолжают воздержание от приема алкоголя и наркотиков (58% v 24%); по прошествии трех лет после воссоединения с детьми по окончании программы FDAC значительно больший процент матерей не испытывают срывов в стабильности семейной жизни (51% v 22%).

В завершении первого дня семинара участники проанализировали несколько дел, связанных со спорами о детях, выработали позиции сторон и получили обратную связь от британских и российских экспертов.

Второй день семинара был посвящен работе с несовершеннолетними правонарушителями, потерпевшими и свидетелями в рамках уголовного процесса и после назначения наказания.

Наоми Редхаус, окружной судья из Шеффилда (Южный Йоркшир) рассказала о работе системы ювенальной юстиции в уголовных судах Англии и Уэльса. Наоми Редхаус занималась экономикой и политологией. Когда-то Шеффилд был индустриальным центром, а сейчас совсем не процветающий город. Она работала в бедных сообществах, помогала улучшить условия жизни, получить доступ к жилью и т.д. В какой-то момент решила начать помогать своим подопечным как адвокат. Училась два года в юридической школе и два года как стажер в юридической фирме. Параллельно работала менеджером в молодежном клубе, что позволило хорошо понимать молодых людей. Поэтому логично, что Наоми стала работать в ювенальных судах. А затем стала «временным судьей» (с частичной занятостью). Такие судьи не работают по делам с участием несовершеннолетних. Только когда Наоми стала полномочным судьей, она получила возможность вести ювенальные дела. Тогда же ее попросили вести занятия для адвокатов и других судей по ювенальной юстиции. На эту тему она написала книгу.

Судья Наоми Редхаус

В магистратских судах Англии и Уэльса рассматривается большая часть уголовных дел. И вообще все дела начинаются в этих судах (там предъявляются обвинения по делам, самые серьезные из которых затем могут быть рассмотрены в Суде короны). Но суд по делам несовершеннолетних (от 10 до 18 лет) редко отправляет дела в Суд короны.

Английская система известна как основанная на прецедентном праве. Но по существу уголовное правосудие основано на законах, принятых Парламентом. Это законодательство не кодифицировано, нет единого уголовного кодекса. Система весьма сложная, многоаспектная, не все в ней хорошо разбираются.

Суд, в котором работает судья Редхаус, был создан примерно в 1285 году. Тогда не было никакого различия в отношении взрослых и детей. Приговоры были одинаковыми для детей и взрослых, включая смертную казнь и телесные наказания. В 1823 г. году появились «плавающие

тюрьмы» – корабли для содержания заключенных, в 1838 г. – специальные тюрьмы для подростков. Условия там были ужасными. Даже в то время правительство подвергалось давлению общества. Но не все перемены были к лучшему. В XIX веке постепенно пришло осознание, что детство отличается от взрослого возраста. И люди начали понимать, что то, что происходит с детьми, влияет на их поведение во взрослом состоянии. В 1847 г. был принят первый закон, в котором определена разница между взрослыми и детьми для целей правосудия. Реформы шли медленно. В 1907 г. появился Закон о пробации. В 1908 году законом о профилактике преступлений было введено понятие отдельного суда для детей. В то время обращали внимание на проблемы реабилитации и наказания. За небольшие преступления полагалось пребывание до 3 лет в специальном коррекционном центре для мужчин возрасте от 16 до 20 лет. После первой мировой войны была создана правительственная комиссия, и в 1933 году был принят законодательство о детях и молодых людях, которое отчасти действует до сих пор. Этот закон ввел анонимность молодых людей в системе уголовного правосудия и ввел принцип благополучия ребенка. Возраст уголовной ответственности был определен в 8 лет. Смертная казнь для детей была отменена. В 1963 году возраст детства подняли до 10 лет. В 1969 году обсуждалось предложение поднять возраст до 14 лет, но это до сих пор не сделано. Затем на ювенальную юстицию стали влиять международные нормы: Пекинские правила о минимальных стандартах правосудия в отношении несовершеннолетних, Конвенция ООН о правах ребенка.

Специальный контрольный государственный орган – независимая Комиссия по аудиту (аналог «счетной палаты») – радикально раскритиковала систему правосудия для детей как неэффективную и рекомендовала наладить сотрудничество между государственными и местными органами. Законодательство с конца 1980-х годов установило цель ювенальной юстиции — предупредить рецидив. Были созданы Команды по работе с несовершеннолетними правонарушителями. Был создан специальный вневедомственный орган, ответственный за ювенальную юстицию и работу с молодыми людьми.

Во всем мире возраст уголовной ответственности выше, чем в Англии и Уэльсе. До 1999 г. считалось, что дети моложе 14 лет не понимают разницы между добром и злом, хотя прокуроры пытались доказывать, что знают. Теперь дети несут полную уголовную ответственность, но как правило их не могут осудить к лишению свободы. Редкие дела доходят до Суда короны (4%). Это, например, дела по обвинению 17-летнего вместе с совершеннолетними. Но Суды короны не работают в системе ювенальной юстиции и не понимают как работать с молодыми преступниками.

Принципы ювенальной юстиции, сформулированные в Разделе 44 Закона о детях 1933 года, обращены к конкретному ребенку: *"Любой суд, имеющий дело с ребенком или молодым человеком, попавшим в суд в результате конфликта с законом или по другим причинам, должен руководствоваться благополучием ребенка или молодого человека и должен, в случае необходимости, предпринять меры для изъятия ребенка из нежелательной обстановки и обеспечения должного воспитания и образования"*.

Команды по работе с несовершеннолетними преступниками есть в каждом регионе. В такую команду входят сотрудники систем образования, здравоохранения, социальный работник, сотрудник пробации, сотрудник полиции. Главная идея – пытаться предотвратить повторное преступление. Суд всегда учитывает их отчеты на этапе предъявления обвинения, назначения наказания. Команда продолжает работать с осужденным и поддерживает его после освобождения.

Судьи ювенального суда при назначении наказания руководствуются инструкциями специального независимого совета о параметрах наказания. Для детей есть специальные Общие принципы, которые отличаются от правил для взрослых. Судьи обязаны им следовать. По мнению Наоми «вы всегда должны рассматривать отдельно взятого человека, вы должны понимать и учитывать то, что дети не до конца сформировались, что у них могло быть непростое взросление, что они могли оказываться под давлением». Важно перечитать эти принципы перед тем, как идти в зал заседаний.

Ребенок всегда будет представлен адвокатом за счет системы бесплатной юридической помощи. Это не зависит от возможностей семьи.

В суде работают профессиональные судьи. Также могут работать трое непрофессиональных судей после специальной подготовки вместе с профессиональным консультантом (клерком). Во время обучения учат обращать внимания на проблемы психического развития детей, проблемы с речью, историю развития ребенка.

Даже внешне зал ювенального суда отличается от обычного. В ювенальном суде все сидят на одном уровне. Все стараются, чтобы язык был понятен, избегают юридических терминов, иногда намеренно упрощают и «снижают» лексику, например, вместо слов «могут применить содержание под стражей» говорят «тебя могут посадить».

Если ребенок под опекой местных властей, то с ним в зале находится социальный работник, который не входит в команду по работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Молодым людям разъясняют: ты не обязан ничего говорить, это не будет использовано против тебя. Если несовершеннолетний заявляет о своей невиновности, суд должен сделать все, чтобы судебное разбирательство было справедливым. Иногда проводится специальное исследование, чтобы понять, как общаться с несовершеннолетним. Важно постоянно контролировать и проверять, понимает ли несовершеннолетний то, что сейчас было сказано.

Не так много прецедентов регулируют ювенальный суд. Но есть прецеденты, регулирующие справедливое судебное разбирательство в ювенальном суде. Ювенальный суд может изменять, адаптировать процедуры, чтобы суд был справедливым.

Модификация судебного процесса с позиции справедливого судебного разбирательства может включать особые меры для свидетелей и подсудимых в судебном процессе; использование заранее снятого на видео допроса и допрос через телесвязь; участие посредника, помогающего наладить коммуникацию; контроль вопросов свидетелям со стороны судьи; частые перерывы; использование понятного языка.

Судья старается обеспечить понимание молодым человеком всего происходящего. Судья контролирует не только содержание, но и форму вопросов. Есть рекомендации для судей о том, как задавать вопросы ясно и просто, какие вопросы задавать нельзя.

В Европе молодежь не так часто совершает преступления. Правительства оперируют статистикой, не сильно задумываясь о причинах. В Англии раньше ювенальные суды работали каждый день, сейчас – раз в неделю. Стало намного меньше преступлений. Исследования показывают, что люди считают, что преступность снизилась. 10 лет назад примерно 3000 несовершеннолетних были в заключении. Сейчас – 900.

По итогам разбирательства ювенальный суд может направить дело в суд короны для судебного разбирательства или приговора; вынести приговор о лишении свободы на срок от 4 до 24 месяцев; вынести приговор с наказанием, не связанным с лишением свободы; освободить от ответственности.

Отвечая на вопросы участников, судья Редхаус, в частности, отметила, что "суд должен учитывать конкретные потребности человека и адаптировать процедуру. И судья должен решить, можно ли вообще привлекать человека к суду. Судья не может слепо доверять эксперту. Вы не можете использовать взрослого психолога или психиатра. Детских специалистов мало. В Уэльсе вообще нет детских психиатров". Также она прокомментировала идею введения нового порога взрослости в 25 лет: "Инфантилизация – это мировой тренд. Даже физически люди продолжают расти после 20 лет. В суде, если вы можете показать, что человек был не в состоянии понять, что происходило, прокуратура может отказаться от обвинения. В ином случае это повлияет на наказание, но не исключит его".

Кит Дейвис, старший преподаватель факультета здоровья, социальной помощи и образования, Кингстонского университета, начал задумываться о работе с детьми в системе уголовной юстиции, когда занимался социальной работой и стал сотрудником службы пробации. Раньше система пробации включалась только после приговора, наблюдала за реабилитацией. Но этого было недостаточно. Подход менялся, и сейчас он хорошо описывается названием одной из инициатив в Уэльсе – «Сначала дети, потом преступники!». Эта модель описана в 2015 году профессорами криминологии Кевином Хэйном и Стивеном Кейсом в книге «Positive Youth Justice: Children First, Offenders Second». В основе отношений лежат не цели уголовного преследования, а права человека, права ребенка.

На практике уважение прав человека проявляется во всем – от постановки задач до используемого языка.

Слово «преступник» не используется. Термин «преступник» уже заранее определяет человека. Вместо этого говорят «ребенок, который находится в конфликте с законом».

Кит Дейвис

Как обеспечить право ребенка на участие в процессе? Замечательный судья Николас Крайтон всегда сначала разговаривал с ребенком вне зала суда, без мантии, чтобы лучше понимать человека, чтобы человек чувствовал себя комфортно.

Как услышать голос ребенка? Как общаться с человеком, который кажется взрослым, а на деле ребенок. Наша ответственность – услышать, что говорит ребенок о себе, о своей жизни, о том, что произошло, о последствиях для себя. В этом может помочь социальный работник. Цель – понять внутренний мир ребенка и помочь ему осознать, что происходит. Взрослые, в том числе власть, не должны использовать свои полномочия, чтобы подавить ребенка.

Есть отличие от сотрудничества ребенка с лицом, представляющим власть, например, следователем или судьей, от реального вовлечения, когда ребенок может говорить, что думает и что хочет. Это добровольное вовлечение, а не просто следование правилам.

Сотрудники пробации работают, прежде всего, над позитивными результатами для несовершеннолетнего, а не просто для предотвращения рецидива. И после они продолжают работу с ребенком, думая о его интересах, ожиданиях, надеждах за пределами уголовной сферы, чтобы максимизировать позитивные исходы. Для этого нужно привлекать все организации, которые могут дать возможность для развития этого несовершеннолетнего.

Эндрю Бернхардт, старший преподаватель кафедры социальной работы Хартфордширского Университета, привел два примера из своего богатого опыта работы сотрудником службы пробации.

В обоих случаях молодые люди совершили тяжкие преступления совместно со взрослыми. Сотрудник пробации должен был проанализировать ситуацию и оценить социальный капитал несовершеннолетнего и его собственный капитал (какими внутренними ресурсами располагает молодой человек).

Эндрю Бернхардт

В первом случае 16-летнего Лео судили в суде короны за перепродажу наркотиков в составе банды. Наглый, вальяжный, двухметровый молодой человек в темных очках, он выходил из дорогой машины, разговаривая по мобильному телефону. Энди выяснил, что Лео вырос в очень религиозной консервативной семье. В 10 лет начал резко физически расти, конфликтовать с родителями. Местная банда вовлекла его в свои дела. К 15 годам он уже имел судимости. Ему назначили соцработника, который не оказал на него никакого влияния. Он был готов идти в тюрьму и отказывался от совместной работы: «Это для детей, а я взрослый!». Энди не смог предложить суду никакого конструктивного решения. Когда Лео получил три года, Энди посещал его в тюрьме. Он не изменился, вел себя как настоящий гангстер. У истории нет счастливого конца. Лео отсидел по полной и нет никакого оптимизма в отношении его судьбы.

Во втором случае 16-летний Алан отбывал два года заключения за поджог дома. Он был членом банды. Энди встретился с ним перед освобождением. Он был сыном турецкого иммигранта. Алан много занимался в тренажерном зале. Он сказал: «я хочу быть спортсменом, олимпийским чемпионом». Зачем? «Чтобы получить кучу денег». А что ты будешь дальше делать? «Я смогу

заплатить за ремонт папиной машины». Алан был из очень бедной семьи турецких эмигрантов. Мама уборщица, папа таксист, но машина была сломана. Алан оказался способным парнем, он хорошо работал по металлу и дереву. После освобождения его родители не хотели с ним общаться. Энди нашел ему общежитие. Через несколько месяцев Алана включили в программу для молодых строителей – бывших преступников без жилья. И он стал работать в этой программе по реновации старых домов, одновременно обучаясь профессии. После реновации каждого дома один из строителей получал жилье в этом доме. Алан был номинирован на звание «Лучший молодой строитель года» и занял второе место. Он получил сертификат на Даунинг-стрит из рук премьер-министра. Тогда родители стали им гордиться, отношения восстановились. Но Алан был уже вполне самостоятельным, с собственным жильем и работой.

У Лео и Алана были разные истории, разный социальный капитал. Нарратив Лео был «Я не ребенок». Пока он стремительно рос, родители обращали внимание только на бога, а мальчик – на машины и девочек. Нарратив Алана – «Я хочу помочь семье». Родители были законопослушными и трудолюбивыми. Лео говорил о том, что он в первую очередь преступник, а в Алане были зачатки позитивных социальных отношений.

В работе сотрудника службы пробации есть волшебство – практическая магия, когда человек находит силы для того, чтобы стать лучше. На эту магию можно надеяться, но в тяжелых случаях надо много работать с разными органами, людьми со стремлением улучшить ситуацию с несовершеннолетним правонарушителем. Не всегда получается. Но волшебство есть!

Джилл Тиммис добавила, что для работы с молодыми правонарушителями очень важен момент грамотности. Даже интернет не может быть полезным, если человек не умеет читать и выражать свои мысли. В рамках ювенальной юстиции есть проекты по развитию грамотности со специальными помощниками, которые помогают восполнить пробелы в образовании.

Как обычно, возникает вопрос о ресурсах, необходимых для эффективной работы с несовершеннолетними. Очень интересна идея наставничества – чтобы у молодого человека рядом был внешний наставник, не член семьи. Иногда это человек с собственным опытом преодоления.

Эндрю Бернхардт часто слышит от своих студентов жалобу на то, что «у нас нет ресурсов». На это он обычно отвечает: «Вы сами и есть ресурс! У вас есть вы, лист бумаги, ручка и правонарушитель. Начинайте работать». Да, ресурсы могут сокращаться, проекты могут сокращаться. Но главное – личные отношения с правонарушителем. Человек извне, который определит границы, поможет изменить мировоззрение.

Изменения происходят постепенно. С периодическими откатами. Но происходят. Надо замечать изменения и помогать им. В СМИ постоянно говорят о наказании. Но мы должны думать не о наказании. Мы должны работать на основе международных стандартов. Британская система сопротивлялась международным стандартам, но они все-таки проникли в систему и сделали ее более гуманной

Любовь Смыкало, заместитель председателя правления МОО «Врачи детям», старший преподаватель кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ, рассказала участникам о программе социально-психологической реабилитации «Взрослые шаги» для несовершеннолетних, совершивших правонарушения.

В результате участия в программе молодые люди имеют шанс не только избежать рецидива правонарушения, но и получить сильный толчок личностного роста, по-настоящему повзрослеть. Они получают знания о правомерном и неправомерном поведении, умения грамотно вести себя в конфликте, противостоять негативному влиянию, контролировать эмоции. Благодаря применению методики «равный равному» они даже могут консультировать других подростков на основе своего опыта.

Любовь подробно описала компетенцию всех органов и организаций, работающих с молодыми людьми, оказавшимися в конфликте с законом.

Любовь Смыкало

Затем Любовь провела практическое занятие по адаптации процедуры допроса несовершеннолетних пострадавших и свидетелей в уголовном процессе с учётом принципов дружественного к ребёнку правосудия. Участники могли сразу же применить рекомендуемые приемы, занимаясь подготовкой вопросов для допроса детей в уголовном процессе.

Презентации британских экспертов и практические упражнения выявили множество проблем практической реализации общих международных принципов. Никто не возражает против приоритетного учета интересов ребенка, против обеспечения его благополучия. Но имеющиеся правила и процедуры на практике скорее направлены на обеспечение ведения судьей и сторонами процесса, чем на заботу о каждом ребенке. Мы еще в самом начале работы над созданием и внедрением моделей, в которых процесс адаптируется для ребенка, а не ребенок используется для процесса. Таких моделей, в которых сотрудничают разные специалисты и скоординированы усилия судов, государственных и местных органов власти.

У ребенка есть права на обращение с ним как с человеком, обладающим правами, на уважение, на выражение своего мнения, на получение информации и участие в решениях, которые повлияют на его жизнь. Даже в рамках существующих институтов мы уже можем предпринимать усилия по обеспечению этих прав ребенка. Каждая такая попытка будет способствовать изменению установок всех участников процесса и постепенно влиять на системные изменения. При этом очень важно продолжать анализировать и использовать опыт других стран, включая опыт Англии и Уэльса. Все участники семинара выразили свое искреннее желание продолжать сотрудничество в этой сфере.